

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная политико-экономическая ситуация в контексте десинхронизации процессов глобализации характеризуется четким разделением мирового сообщества на несколько политических кластеров. Причиной такого разделения, безусловно, является борьба за влияние ведущих мировых держав на экономических рынках и в политических процессах. При этом очевидно, что это влияние реализуется, в том числе, и с использованием юридических средств и инструментов.

Важное место в этой системе занимает юридическая практика. В сфере публичного права национальная юридическая практика следует в фарватере политических форм-факторов¹ с позиции субъективно-государственного учета положений международного права (или, возможно, что более точно – права международных договорённостей), что в принципе вполне объяснимо. В сфере же частного права, исходя из наличия экономического (внегосударственного) интереса, законодательство и правоприменительная практика должна была бы быть подвержена влиянию таких форм-факторов в гораздо меньшей степени. Однако политическая действительность демонстрирует прямую зависимость частного права от публичных интересов. В этой связи следует обратить внимание на два обстоятельства, препятствующих глобализационным процессам.

Первое. Одним из примеров, демонстрирующих деструктивное влияние публичных интересов (как внутри-, так и внешнеполитических) на частное право, выступает введение так называемых экономических санкций. Такие санкции способны существенно ограничить сферу имущественных (если шире – гражданско-правовых) интересов. Так, ограничивается поливариантность

¹ См.: Кузьмин А. В. Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18-20 мая 2017 г. - СПб.: СПбГУП, 2017. - 592 с. С. 494-498

экономических правоотношений. Из персональной составляющей его структуры могут исключаться или субъекты (например, введение так называемых личных санкций исключает участие конкретных персон в некоторых правоотношениях – невозможно стать заёмщиком, вкладчиком, продавцом, покупателем и т.п.), или объекты (невозможно сформировать правоотношение с определённым объектом – имеющим нежелательные место производства, место происхождения, свойства и т.п.), или содержание (из структуры субъективного права исключается какая либо возможность – например, право распоряжаться собственностью, право на свободное передвижение и т.п.).

Второе. Сложившаяся система мироустройства предполагает формирование особой позитивной конструкции правоприменительной результативности – юрисдикции ограниченного признания. В качестве примера можно привести использование для защиты субъективного права норм иностранного права, закрепленных в заведомо узкопризнаваемой юрисдикции. Например, использование для разрешения различных юридических споров законодательства непризнанных (ДНР, ЛНР, ПМР) и частично признанных (Абхазия, Южная Осетия, Нагорно Карабахская Республика, Косово) государств, а также непризнаваемых юрисдикций.

Так, при вынесении Решения по делу № 2-100/2016 от 24 марта 2016 г., Кимовский городской суд Тульской области применил положения Гражданского кодекса Приднестровской Молдавской Республики, легализовав его применение официальной позицией России (по умолчанию) о непризнании ПМР и, одновременно, сославшись на применение в Молдавии статьи 41 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22.01.1993 года. При этом юридическое противоречие формального публичного и неформального частного права выразилось не только в применении ГК ПМР и допущении использования в качестве иностранной валюты приднестровского рубля, но и в неприменении к

данным правоотношениям ГК Молдавии. Более того, текст судебного решения вообще не содержит отсылок к молдавскому праву, ограничиваясь отсылками к приднестровскому.

Особое место в этой системе факторов занимает проблема применения российскими судами законодательства Украины применительно к отношениям, возникшим до вхождения в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Очевидно, что для российской правовой системы данный юридический факт не представляет особой процессуальной сложности. Важно лишь учитывать момент возникновения правоотношения и применять к ним соответствующую юрисдикцию. Однако признание юридической силы таких решений за пределами территории Российской Федерации вызывает определённые проблемы. То есть юридическая сила решений крымских и севастопольских судов для российского правового поля очевидна, а для зарубежного – очевидно как раз её отсутствие.

Так, ч. 3 ст. 9 Закона Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовой режим на временно оккупированной территории Украины» устанавливает, что «Любой акт (решение, документ), выданный органами и / или лицами, предусмотренными частью второй настоящей статьи, является недействительным и не создает правовых последствий»². А в ч. 2 данной статьи устанавливается, что «Любые органы, их должностные и служебные лица на временно оккупированной территории и их деятельность считаются незаконными, если эти органы или лица созданы, избранные или назначенные в порядке, не предусмотренном законом».

Отметим, в этом контексте, что за период 2014-2019 гг., доля принятых решений с учетом украинского права от общего количества решений российских судов с использованием в мотивировочной части прямых отсылок на применение иностранного права, достигает 26 %. Причём в структуре этих

² Закон України №1207-VII от 15.04.2014 «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» (Редакція від 04.11.2018) [Электронный ресурс] // Інформаційно-пошукова система «Законодавство України» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1207-18#n2> (дата обращения 10.03.2018)

26 % судебных решений, значительная доля – 22,5 % - принимается в связи с отношениями, возникшими в период нахождения Крыма и Севастополя в украинской юрисдикции. И только 3,5% - вне такой связи. Конечно, вряд ли можно с безусловной статистической точностью продемонстрировать распределение по иностранным юрисдикциям случаев применения иностранного права в отечественных судебных решениях. Однако и использованный метод с выборкой 200 судебных решений судов первой инстанции, в которых было применено иностранное право, позволяет говорить об устойчивой тенденции в рассматриваемом вопросе.

Таким образом, на основании изложенного в настоящей статье, представляется логичным сделать следующие выводы:

1. Правовое обеспечение процессов глобализации на национальном уровне демонстрирует жесткую зависимость частного права, направленного в перспективе на глобализацию законодательства и правоприменительной практики, от публичных интересов, декларируемых государством.

2. Факторами, препятствующими реализации идеи юридической глобализации, выступают:

а) институт введения и реализации так называемых экономических санкций;

б) существование узкопризнаваемых юрисдикций.